

Философия с самого начала своего возникновения ставила и ставит мировоззренческие проблемы отношения человека и мира, каким является мир для человека и вопрос о предназначении человека в мире. Мировоззрение как духовная основа бытия человека возникает из его сущностных личностных потребностей, в конечном счете подчиняющих себе, своему духовному содержанию все его жизненно-природные потребности, диктуемые ему необходимостью, в том числе его развиваемые познавательные начала. Эти сугубо человеческие потребности, основанные на вопросах о смысле бытия человека в мире, можно назвать первичными, организующими иерархию всех его потребностей, мотивов и целей. В этом смысле мировоззрение является первичным по отношению к познанию направляющее и оформляющее его способ, методы, категорический аппарат и т.д., хотя оба они возникают во взаимосвязи и основываются на духовных потребностях человека.

Феномен мировоззрения основан на духовно-ценностных основаниях, связанных со способом бытия человека в мире и многообразием таких способов бытия, отношения человека к миру, не сводимых и не выводимых из потребностей органического существования, мира необходимости, хотя такая необходимость поддерживается для элементарного обеспечения жизни. Свое содержание мировоззрение питает из свободы творчества многообразия духовных смыслов, выбираемых как смысл человеческой жизни, а, следовательно, такой способ бытия человека в мире не может совпадать со способом освоения человеком сил природы или, что К.Маркс называл способом производства материальных благ в свете исторического материализма. Способ производства благ как и способ всякой деятельности вообще не может составлять ценность, быть самоцелью для самой себя, а может выступать скорее средством для чего-то должного, быть способом достижения, реализации высшей ценности. Ведь даже человек, живший в самые архаические времена, искал смысл своей жизни в чем-то ином, за пределами тяжелых условий своего физического существования. Более того, у каждого человека смысл может не совпадать с жизненно значимыми ценностями другого человека. Этим духовный мир человека существенно отличается от мира необходимостей физического существования. Духовный мир человека пронизан отношениями свободы, ответственности, нравственности, общения и взаимообогащения людей, строящих определенный тип отношений друг с другом, тип социального устройства, основанного на ценностях, отличающих его от другого типа общества. Тип отношения человека к миру пронизан определенной, общей для данного человеческого сообщества, ценностью. Данная общая ценность составляет смысловое ядро той или иной культуры или определенной цивилизации.

С развитием экономического прогресса и эффективности производства, необходимость поддержания жизни теряет свою остроту, а возникшие из этой необходимости пользование и эксплуатация природы, а в дальнейшем, и самого человека поддерживаются уже из другого источника, обретая иной смысл. Их новый смысл зависит от того, средством какой ценности они служат. В рамках цивилизаций, где самоценностью большинства становится покорение и господство над природой и окружающим миром, производство видоизменяется, превращаясь из удовлетворения естественных потребностей человека в ублажение телесных и квазителесных нужд, далеких от забот сохранения и продолжения жизни, соответственно изменяются и потребности человека, они становятся бездонными и безграничными. Они, по выражению Э.Фромма, превращаются в абстрактную форму, чистую форму «иметь»

материальные блага ради того, чтобы иметь. Это наблюдается при ориентации человека, определенной культуры на превосходство, богатство и власть, где основой человеческой самоидентификации и критерием высокого статуса становятся престиж и успех. В обществе потребления модус бытия сменяется на модус обладания и тогда, как считает Э.Фромм, субъект, его Я идентифицируется с вещью, объектом и отношения с миром и людьми обретают собственнический, вещный характер. Например, когда приобретение машины совершается не из потребности в средстве передвижения, а из соображений престижа, повышения собственного статуса в глазах других, то «...в отношении владельца к автомобилю присутствует элемент деперсонализации; автомобиль является не каким-то конкретным предметом, дорогим сердцу его обладателя, а неким символом статуса владельца, расширяющим границы его власти: автомобиль творит «я» своего обладателя, ибо приобретая автомобиль, владелец фактически приобретает некую новую частицу своего «я»».[1, с.99]. В таких цивилизациях производство и потребление, подгоняющие друг друга, не знают границ. Потребление перестает служить первоначальным целям – удовлетворению естественных нужд человека, имеющих свой предел, оно становится беспредельным – потреблением ради потребления.

Ценностный смысл индивид привносит в мир сущего в процессе творчества как свое сугубо человеческое содержание, превращая его из должного в сущее. Поэтому те знания и понятия, которые содержат лишь объектные характеристики, только то, что относится к объектам самим по себе, в которых меньше всего присутствуют любые следы субъективной человеческой оценки, отношения, в них меньше всего мы найдем мировоззренческого содержания. Но, конечно, не всякое знание лишено мировоззрения, полностью отделено от него. Так, космос в мифологии представлялся живым, включенным в человеческую жизнь и судьбу, более того, он являлся главным человеческим пространством, все происходящие события связывались с ним и объяснялись из него.

Ценностный смысл выражается во всех формах своего проявления как целостный, единый, не разделяемый и не расщепляемый на части, соответственно и человек определенного мировоззрения во всех своих поступках, деяниях, отношениях выступает как единая и цельная личность, проявляя себя без остатка. Мировоззрение поэтому представляется скорее ценностно-смысловым видением мира, интимно личностным ощущением его родственности или чуждости, пронизанное отношением притяжения или отвержения, чем холодно дискурсивной, логически разработанной картиной мироздания.

Научное мировоззрение рисует научную картину мира, где часто главным критерием истины является научная беспристрастность, объективность, исключаяющая всякое привнесение отношения субъекта познания к самому познанию мира, так называемое познание без познающего субъекта, признаваемое представителями неопозитивизма, в частности, К.Поппером [2] самым объективным критерием научного познания. Научное мировоззрение, провозглашающее с этих позиций науку как высшее, совершенное и единственно возможное мировоззрение, а не как одну из его, пусть важнейших форм и определенную область отношения человека к миру, видимо, пронизано отношением отчуждения.

Наука, несомненно, составляет существенное содержание мировоззрения. В отношении человека к миру содержание мира самого по себе, каков он в себе и для себя, составляет для человека исключительную ценность. Мировоззренческий поиск вообще направлен на выяснение истинного образа мира и человека в их взаимосвязи, что составляет цель всякого мировоззрения, какое бы оно ни было у каждого индивида. Собственное, неискаженное, без привнесения человеком каких-либо посторонних

качеств, содержание мира представляет интерес только для человеческого существа. Человек и мир сопоставимы друг с другом как две самостоятельные, сущностно равные реальности и ни одна из них не составляет часть другой. Единство человека и мира не есть единство исчезающих в целостном потоке моментов. Однако отношение человека к миру не ограничивается только познавательным отношением к нему и в этом смысле познание обладает относительной самостоятельностью и его истинность проникнута смысловым ориентиром, определяется тем, какой ценностный смысл, содержание и цель вкладывает в него человек. Если познание стремится стать единственной верховной ценностью, единственным ценностным измерением всего и вся, в том числе и самого человека как субъекта познания, низведя его до положения средства, познание само опустошается в мировоззренческом плане. Научная картина мира тогда предстает как универсум нейтральных вещей и явлений, мир объектов, не имеющих связей с человеком. Как, казалось, ни парадоксально, но в таком объектном мире, не соотношенном с миром субъекта, происходит искажение истинного образа: сам субъект в рамках такой картины мира может иметь только объектные характеристики, не выходя за их пределы, и, будучи ограниченным содержанием объектов, овеществляется, превращается в объект.

Наиболее всеобщим основанием субъекта является онтологическая свобода, которая предстает как возможность, открытость различным путям развития, способам бытия, их выбора, эта возможность может включать в себя и негативный смысл, то есть не исключает возможности перехода сущностного развития человека в превращенные, отчужденные формы. Онтологически эти формы также представляют собой определенный способ бытия человека в мире, когда человек сам превращает свою свободу в необходимость. Этот процесс, известный как процесс отчуждения, исследованный в работах К.Маркса, Э.В.Ильенкова, Г.С.Батищева, А.Огурцова, К.Абишева, А.А.Хамидова и др., думается, может происходить также вследствие превращения определенного выбранного способа бытия в мире в единственно возможный путь, который, вследствие такой позиции и гносеологически, и онтологически выглядит в глазах людей неумолимым и неизбежным.

Отчуждение человеческой сущности и возможных путей его развития происходит в результате возведения человеком необходимости самому себе из тех его творчески осуществленных или духовных форм как общество, государство, капитал, богатство, бог, абсолютная идея, историческая необходимость и т.д. Человек начинает определять себя, как и каким ему быть всецело формами сущего, его установившимися закономерностями и рассматривает себя как включенный их внутренний момент. В результате свою субъектность и способность самоопределения человек отождествляет и связывает с сотворенным им сущим и заключает себя в его рамки. Происходящее при этом перевертывание действительных отношений приводит к обесцениванию действительной ценности, то есть самого человека и его свободы, и приобретению смысла и ценности того, что по своему действительному статусу является лишь средством человека, его свободы развития.

О том, что такая перевернутость отношений представляет собой видимость, и что авторами таких отношений выступают сами индивиды, рассуждал, в частности, К.Маркс, анализируя характер товарно-денежных отношений в определенных условиях капиталистического производства как превращенных и овещенных форм общественных отношений людей: «...таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные

свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей»[3, с. 82]. Такое отношение Маркс называл товарным фетишизмом.

О том, что процессы отчуждения и связанные с ним овещнение и фетишизация отношений охватывают не только социально-экономическую сферу, но в целом все области деятельности, в том числе духовно-творческие, отмечал Г.С.Батищев. В частности, он исследовал характер овещнения в условиях отчуждения в сфере науки и образования, в направленности их методологических интенций, языка и форм теоретического познания, развития редуционистских тенденций и метафизической картины мира. Процессы овещнения приводят к развитию «превращенных форм протекания познавательного процесса, а также и форм рефлексии над ним», следствием чего, отмечает Батищев, является, «во-первых, натурализация и технизация познавательного процесса, его субъекта и его предмета. Это означает ту или иную степень "выключения" познания из социо-культурных связей», «во-вторых, формально-знаковый фетишизм, проникающий не только в область естественного языка, а иногда даже в еще большей степени в выразительные средства и символические системы всех отраслей культуры» и «в-третьих, ценностный нигилизм» [4, с. 272]. Поэтому критический анализ овещнения, считает он, будет способствовать преодолению заблуждений и вульгарно-социологических подходов в системе образования и воспитания.

В истории философии существует множество концепций и подходов в понимании сущности человеческого бытия, и, думается, в тех подходах, где предполагается понимание изначального, онтологического характера свободы и непредопределенности, есть возможность избежать овещняющего и ограничивающего истолкования человеческого бытия, объяснения в его объектной замкнутости и завершенности. Целью философской рефлексии и данной позиции является экспликация фундаментальных основ человеческого бытия, всех его возможностей.

В отличие от научных положений и концепций, которые, в принципе, логически не противоречат друг другу, а взаимодополняют, подходят как ключ к замку, образуя общую целостную систему, философские концепции, их основоположения, опираясь на духовный и познавательный опыт человечества, каждая из них представляет собой самостоятельную систему, вырабатывающую и предлагающую, логически обосновывающую и анализирующую определенный ценностный подход к человеку, его бытию в мире. Они предлагают разные жизненные установки, способы бытия в мире. Различные философские системы помогают осмыслению и культивированию разных ценностных смыслов человеческого бытия, иногда противоположных, логически несовместимых ценностно-мировоззренческих установок. Этих смыслов в разные исторические эпохи было предложено не мало, они предстают перед нами как богатство духовного многообразия мира человека. Поэтому философские концепции, думается, не представляют собой, подобно науке, единую общую систему накопления и систематизации знаний и не призваны создавать единую картину мира, они не составляют единую философию, как это, например, понимал Гегель.

Список использованной литературы:

1. Фромм. Э. Иметь или быть. – М.: Прогресс, 1986.
2. Поппер К. Логика и рост научного знания. М.: Прогресс., 1983. – 605 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.23., М., 1960. с. 82.
4. Батищев Г.С. Проблема овещнения и ее гносеологическое значение (в свете Марксовской концепции овещнения). В кн: Гносеология в системе философского мировоззрения. -М: Наука, 1983. с.250-272.

